

Г. Я. АРОНСОН

Распутин и евреи¹

<Фрагмент>

1. В распутинском созвездии

Сейчас, на основании документального и мемуарного материала, накопившегося о последних годах старого режима в России, — можно со всей определенностью установить, что в «распутинский период русской истории», по выражению А. И. Деникина*, действовала на исторической авансцене теплая компания авантюристов, примерно в следующем составе: Распутин, Симанович, Манасевич-Мануйлов, князь Андронников, Бадмаев, Манус и Рубинштейн. Один из современников, оставивший записки о канунах Февральской революции, В. Каррик**, записывал 22 ноября 1915 г.: «Вершителями судеб являются Гр. Распутин и его компания, в которую, между прочим, входят два крупных биржевика и банковских дельца — Манус и Рубинштейн. Эти господа сдружились с Распутиным, кутят и распутничают с ним, обделывают свои финансовые дела и вершат в ресторанных кабинетах грядущие судьбы России». Государственные деятели, министры, князья церкви этих лет, часто получавшие свои высокие посты благодаря интервенции Распутина при дворе, главным образом у Александры Федоровны, — Хвостов, Белецкий, Добровольский, Штюмер, Протопопов и др., явились как бы вспомогательным отрядом при главной разбойничьей шайке. Двор, при котором свила свои гнезда распутинская шайка, при содействии Анны Вырубовой и других приближенных к царице и царю людей, стал одним из главных источников гниения системы сверху. Не случайно А. Деникин отчетливо говорит о «придворной грязи», густо облепившей в те годы трон и делавшей почти неизбежной гибель династии и монархии.

¹ Печатается по: Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 85–88.

* Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. I. Вып. I. С. 10.

** Голос минувшего. Кн. 4–6 кн. 1918.

Процесс разложения старого режима в 1915–16 гг. развивался, можно сказать, семимильными шагами. Поражения на фронтах, рост бестоварья, спекуляции и дороговизны в тылу, напряженное политическое положение, борьба распутинских правительств всех составов с Государственной Думой, скандал с Сухомлиновым, толки о сепаратном мире, об измене и пр. — всего этого было достаточно для того, чтобы создать атмосферу приближающейся катастрофы. На этом фоне как бы грозным знамением возвышалась зловещая фигура Распутина, безграмотного мужика из хлыстов, бабника и ловца человек, приобретшего и популярность, и власть в великосветских салонах и в апартаментах царицы.

В. Каррик передает в сентябре 1915 г. слух, что падение авторитета Николая II зашло так далеко, что в Совете министров обсуждался вопрос об учреждении регентства и что в качестве регентов называли Александру Федоровну и... Распутина.

Естественно, что на дрожжах распутинщины взошла и пустила корни, при помощи подкупов и взяток, темных связей и интриг главная шайка дельцов и авантюристов, в созвездии которой с большим шумом выдвинулся Д. Л. Рубинштейн, — в просторечии «Митя», — приобретший славу «банкира царицы» и одного из первых финансистов этого смутного времени. Его дом и его банк становились центрами столицы. Представители аристократии и бюрократии видели в Рубинштейне советника первой величины, помогавшего им играть на бирже иправлявшего их делишки.

Что представлял собою Митя Рубинштейн в это время в мире финансистов и спекулянтов? По имеющимся сведениям, он занимал целый ряд крупных постов в этом мире. Кроме Русско-Французского Банка, он занимал директорский пост в Правлении Общества Петро-Макарьевских и Вариопольских каменноугольных копей, в Русском акционерном Обществе для эксплуатации Тацинских каменноугольных копей и антрацитных рудников в Донецком бассейне, в Страховом Обществе «Волга», в Петроградском Обществе страхования, был членом правления Елизаветградского электрического Общества и пр., и пр. Достаточно сказать, что в адресной книге «Весь Петербург» один перечень финансовых и промышленных должностей Рубинштейна занимал 17 строк*.

При таких должностях и связанных с ними крупных доходах Рубинштейну в обстановке тех лет было нетрудно добывать связи и проникать в высшие сферы. Неудивительно, если в этих условиях

* Семенников В. Политика Романовых накануне революции. М., 1926. С. 117.

он овладел нехитрой механикой подкупов и взяточничества, расцветавших в годы войны махровым цветом. Неудивительно, что множество темных людей, вроде Манасевича-Мануйлова, были на его содержании. Иных он просто подкупал, в других случаях выступал бескорыстным жертвователем, но и щедрые жертвы, в конце концов, тоже окупались, ибо открывали Рубинштейну новые возможности и влияния, и обогащения.

В. Каррик отмечает в записи от 28 ноября, что Рубинштейн получил Владимира 4-й степени. Но это его не удовлетворяло. Ему было известно, что другой банковский делец, Манус, добился чина действительного статского советника с помощью Распутина. Рубинштейн, в свою очередь, хлопотал об этом чине и предлагал за это полмиллиона рублей*. Его хлопоты отразились даже в переписке царицы с царем. В письме Александры Федоровны от 10 сентября 1915 г. она пишет мужу, — вероятно, по наущению Распутина: «Какой-то Рубинштейн дал уже 1000 рублей и согласен дать еще 500 тысяч на изготовление аппарата (аэропланов?), если он получит то же, что и Манус»**. 3 ноября Александра Федоровна напоминает об этом деле вновь царю.

Даже относясь с естественным недоверием ко всяким рассказам «личного секретаря» Распутина, пресловутого Симановича, можно с известной долей вероятности все же считать правдоподобным его сообщение, что Рубинштейн для того, чтобы добиться знакомства с И. Л. Горемыкиным, тогда председателем Совета министров, пожертвовал на лазарет, руководимый его женой, 200 тысяч рублей, передав их через Распутина. Рубинштейн был представлен Горемыкину, а жена Рубинштейна была назначена начальницей лазарета. Симанович также рассказывает, что на балу, устроенном Рубинштейном, присутствовали Горемыкин, Протопопов, Распутин и др.*** В. Каррик в своих записях современника подтверждает это сообщение, упоминая о крупном пожертвовании Рубинштейна жене Горемыкина и о том, что на елке у Рубинштейна были внуки Горемыкина.

Жизненный путь или процесс возвышения Мити Рубинштейна не был столь безоблачным, как это может показаться из вышеприведенных данных. Ему пришлось постоянно сталкиваться с миром перекрестных влияний интриганов всяких мастей — с миром, в котором человек, думающий, что он определяет ход событий, на деле оказывался подчас игрушкой в чужих руках. Объектом бывал и Распутин, в созвездии кото-

* Семенников В. Политика Романовых накануне революции. С. 117.

** Переписка Романовых. Т. II. С. 332.

*** Симанович А. Распутин и евреи. Рига, 1927.

рого взошла звезда Рубинштейна. Распутина старались использовать все. В свою очередь, и Распутин не упускал случая добиться своего интереса. В игре, происходившей вокруг двора, царицы и разных «гешефтов», не раз складывались неожиданные ситуации, которые могли и вознести, и угробить Рубинштейна. Об одном таком эпизоде имеются весьма красочные материалы.

В книге Б. Алмазова «Распутин и Россия» живописно рассказано о неудавшейся попытке отравления Распутина, в которую (попытку) отравители хотели втянуть Рубинштейна с тем, чтобы ответственность за отравление возложить на финансиста. Алмазов передает, что к столу Распутина «всегда подавали лучшее вино из славившегося в Петербурге векового погреба хозяина дома. Однажды Распутин, лично позвонив по телефону в этот день, просил прислать ему несколько бутылок вина, которое он пил накануне на обеде у банкира. Вскоре на автомобиле Распутина за вином прибыл какой-то молодой человек. А впоследствии оказалось, что вино это, прежде чем попасть к Распутину, по дороге было отравлено. Но другая часть охраны во время будто бы успела предупредить об этом кого следует и опасность была предотвращена»*. Читаешь эту уголовно-политическую хронику из эпохи распутинщины с понятным недоверием. Между тем действительность превосходит в эти годы самую необузданную фантазию. Достаточно прочитать рассказ на эту тему о попытках убийства Распутина, которую приводит в своих воспоминаниях тогдашний товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий, чтобы убедиться, на какой тонкой ниточке висела жизнь «святого старца» в разыгрывавшейся вокруг него свистопляске интриг и как легко мог Рубинштейн стать участником отравления Распутина.

Белецкий в своих воспоминаниях рассказывает, что А. Н. Хвостов, тогда министр внутренних дел, носился, при содействии Комиссарова, с мыслью об убийстве Распутина. У Хвостова имелся особый фонд на убийство Распутина, и он предложил Комиссарову на эту цель 200 тысяч рублей. После своей поездки в это время в ставку, — Белецкий рассказывает, — он «решил восстать против предложенного Хвостовым убийства Распутина в автомобиле, а чтобы затянуть дело, предложил Хвостову отравить Распутина». — «Хвостов с этим согласился и даже высказал проект послать ящик отравленной мадеры Распутину как бы от банкира Д. Л. Рубинштейна, чтобы затем как-нибудь связать и последнего с делом отравления Распутина. Против Рубинштейна Хвостов все время был враждебно настроен». — «Однако, — продолжал свой

* Алмазов Б. Распутин и Россия. Прага, 1922. С. 60.

рассказ Белецкий, — я указал Хвостову на неудобства такого плана отравления Распутина, так как Распутин может поблагодарить по телефону за присылку мадеры Рубинштейна, который часто к нему обращался с просьбами, — и тогда весь план рухнет»*.

Среди многочисленных и весьма фантастических дел, которыми тогда занимался Рубинштейн, неожиданно возникла у него мысль стать пайщиком «Нового времени». В точности нельзя установить мотивы, которые привели Рубинштейна к мысли проникнуть в эту цитадель традиционного антисемитизма. Возможно, что ему подал эту мысль один из членов распутинской шайки, сотрудник «Нового времени» Манасевич-Мануйлов (Маска) — он тоже и матерый агент Департамента полиции, — который был всегда не прочь заработать. Возможно и другое, что Рубинштейну, в Русско-Французском банке которого были заложены паи некоторых собственников «Нового Времени», могла взбрести в голову мысль прибрать к рукам газету и использовать ее в своих видах. Наконец, не исключены и некоторые «идейные» побуждения Рубинштейна в эту эпоху усиления антисемитизма, обвинений евреев в шпионаже, массовых выселений евреев, — о которых он не мог не знать и которые в какой-то мере могли задевать его, как еврея, и которые могли толкнуть его на авантюру с «Новым временем» (см. об этом ниже записи В. Каррика и другие материалы).

2. Распутин и евреи

В шайке распутинцев было несколько евреев: его «личный секретарь» Арон Симанович, Митя Рубинштейн, Манус (о нем сообщают, что отец его был выкрестом, сам же банкир родился в православии), Манасевич-Мануйлов (крещеный сын Тодреса Манусевича из Вильны). Из этих лиц не скрывали своего еврейства и даже стремились «противодействовать юдофобству» Рубинштейн и особенно Симанович, который в своей книжке, вышедшей по-немецки (как будто во втором издании, при содействии наци) и по-русски, «Распутин и евреи», всю свою деятельность при Распутине изображает как защиту интересов евреев, а самого Распутина подает, как одного из неочтенных по заслугам... благодетелей еврейства. Отвратительный привкус книжки Симановича, в которой, вероятно, немало лживых выдумок этого малограмотного «первой гильдии шулера» и владельца игорного клуба в Петербурге**, пытающегося себя изо-

* Белецкий С. Былое. № 22. 1923. С. 255.

** Алмазов Б. Распутин и Россия. С. 74–75.

бразить в качестве доверенного лица царицы, чуть ли не запросто имеющего вход к царю, — не может, однако, разрешить нам роскошь полного игнорирования его рассказов: кое в чем они подтверждаются другими и более верными источниками.

Касаясь версии о приобретении паев «Нового времени» Рубинштейном, Симанович утверждает, что... С. Ю. Витте принадлежала инициатива в этом деле. Его, Симановича, вызвал к себе Витте, посоветовал заинтересовать Распутина этим делом и прибавил: «Поговорите по этому делу с вашими евреями». Симанович рассказывает: «После краткого совещания, мы (т.е. Распутин и он) решили обратиться к нашему “умному банкиру” (так называл Распутин Рубинштейна). Распутин пригласил к себе Рубинштейна, барона Гинцбурга, “порт-артурского” Гинсбурга и акции “Нового времени” были приобретены на имя графа Витте, а затем им переуступлены Рубинштейну. Рубинштейн радовался очень, что теперь закончится травля против евреев»*.

Надо оговорить, что роль Витте в деле скупки паев «Нового времени» нигде в других источниках не упоминается, и возможно, что она представляет собой целиком вымысел Симановича. Но самый факт совещаний с Распутиным вокруг еврейского вопроса представляется весьма вероятным. Симанович в некоторых местах своей книжки рассказывает о такого рода совещаниях. Он упоминает о беседе с Распутиным по еврейскому вопросу в квартире Гинсбурга, в которой участвовали бар. Гинцбург, Г. Б. Слиозберг, Лев Бродский, Герасим Шалит, Самуил Поляков, Мандель, Варшавский и др. По словам Симановича, Распутин признавал только банкиров и финансистов и не хотел беседовать с евреями-адвокатами, но для Слиозберга он сделал исключение: «Распутин считал его хорошим евреем и поэтому на профессию его не обращал внимания». В другом месте Симанович рассказывает о «торжественном обеде» у Слиозберга, где присутствовали барон Гинцбург, «порт-артурский» Гинсбург, Бланкенштейн, Мандель, раввин Мазэ и др.**

Взгляды Распутина на способ разрешения еврейского вопроса, которые он откровенно развивал на этих совещаниях, в передаче Симановича, звучат отчетливо и лапидарно: «Еврейский вопрос должен быть решен при помощи подкупа или хитрости», — говорил он на первом совещании. На обеде у Слиозберга он рекомендовал тот же гениальный путь: «Вы должны подкупить всех нужных вам

* Симанович А. Распутин и евреи. С. 90–91.

** Там же. С. 56, 74–75.

людей». Правда, объективности ради, Симанович в своем рассказе об обеде у Слиозберга сообщает, что «делегаты (?) рассказывали Распутину, что еврейские вожди, Винавер, Грузенберг, Кальманович, раввин Айзенштадт и Фридман являются противниками такой тактики», — но присутствовавшие на совещании евреи, по-видимому, разделяли точку зрения Распутина, смысл которой был, конечно, совершенно прозрачен: дайте мне, Распутину, деньги, много денег, и я подкуплю всех нужных для «решения еврейского вопроса» министров и царедворцев.

Наиболее неправдоподобным звучало в рассказных Симановича упоминание имени Г. Б. Слиозберга, умеренного, можно сказать, консервативного еврейского деятеля и связанного с финансово-мощными кругами, но пользовавшегося репутацией независимого и преданного интересам еврейства общественника. Касаясь этого времени в своих воспоминаниях, Г. Б. Слиозберг, действительно, категорически утверждает: «Я должен засвидетельствовать, что никому из общественных деятелей (и) влиятельных финансовых представителей никогда в голову не приходило использовать Распутина». Тем не менее оказывается, что сношения с Распутиным и даже шаги по использованию его неоднократно, по словам Слиозберга, делались, — и притом им же самим. Г. Б. Слиозберг встречался с Распутиным еще до войны, в начале 1914 года. «Ему сказали, — пишет он, — что я могу иметь влияние на еврейские финансовые круги... Я не имел основания уклоняться от этого свидания», — пишет он. После этой встречи Распутин стал засылать к Слиозбергу свои пресловутые безграмотные записочки с разными просьбами*.

В своих воспоминаниях Слиозберг уделяет внимание и Симановичу, который «в качестве друга Распутина» обращался к Слиозбергу уже в эмиграции в Париже и просил его поддержки. Когда Слиозберг ему отказал в поддержке, тот «довольно прозрачно намекал на то, что... он составит какую-то книгу с опорочиванием еврейских деятелей». И действительно, эта книга «сплошь наполнена совершенно фантастическими измышлениями», — пишет Слиозберг. Он рассказывает также, что по выходе книги Симановича в свет он писал о ней в одной из еврейских газет Нью-Йорка. Но независимо от его мнения о книге Симановича, независимо от того, что, по мнению Слиозберга, сам Симанович не мог по неграмотности быть автором своей книги, Слиозберг в самом главном, хотя и бегло и не вдаваясь в подробности, признал, что он не только «не имел основания уклоняться от свидания»

* Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. III. С. 347–350.

ния (с Распутиным), но попросил кое-кого из друзей присутствовать на обеде, на который должен был приехать Распутин». Иными словами, Симанович сказал правду о «торжественном обеде», устроенном Слиозбергом в честь Распутина.

Из дальнейшего изложения Слиозберга можно получить представление, что тот обед с Распутиным имел целью добиться через Распутина и его связи при дворе практических облегчений для каких-нибудь пострадавших евреев (по-видимому, речь шла о взятке Распутину для того, чтобы он добыл царскую амнистию по делу так наз. смоленских дантистов, — ради правожительства получивших фальшивые документы дантистов). И нет сомнения, что Слиозберг, прибегая к содействию «святого старца», был одушевлен самыми лучшими побуждениями общественного, никак не личного порядка. Тем не менее самый факт его сношений с Распутиным, обеда, устроенного у него на дому в честь Распутина и, конечно, дача взяток Распутину и через него разным полезным людям, — приоткрывает завесу над тем, что не только авантюристы типа Симановича и Рубинштейна, но порой и люди почтенные и не искавшие корысти бывали втянуты в грязное болото распутинщины.

